

Пролог

Щурясь от яркого солнца, достаю из бардачка очки и прячу за ними глаза — сегодня они особенно болезненно реагируют на внешние раздражители. Выжимаю педаль газа, перевожу рычаг скорости в режим «драйв» и плавно выезжаю с парковки. Часы на приборной панели моего новенького внедорожника показывают полдень. У отца в офисе я должен быть через сорок минут, а навигатор выдает мне часовой маршрут по московским пробкам. Если предчувствие меня не подводит, день будет на редкость паршивым.

Расстраивать папу мне сейчас крайне невыгодно — у него на столе мое предложение по реструктуризации двух отделов, а он не терпит опозданий. С него станется закинуть труд двух недель в мусорное ведро, потому что я не явился в кабинет к назначенному часу. Вряд ли он примет во внимание, что я мчусь в офис в свой законный выходной, отмеченный в отделе кадров.

Потираю переносицу, стараясь не замечать пульсирующую боль в висках — напрасно я вчера превысил свою норму алкоголя. Справедливости ради, повод был достойный: Володя Вольский, мой школьный това-

рищ, женится — не мог же я отказаться от воскресного мальчишника только потому, что единственный в его окружении работаю на реальной должности в реальном офисе.

Впереди загорается красный. В голове мелькает мысль проскочить, но здравый смысл берет верх — резко торможу и через секунду слышу, как в задний бампер что-то глухо толкается. Бросаю взгляд в зеркало заднего вида и не могу сдержать смачного ругательства: очевидно, меня протаранил желтый «Мини Купер».

Сука, что за день!

В сердцах бью по кнопке аварийной остановки и выскакиваю из машины. Из соседних рядов на меня с любопытством глазают праздные автолюбители, я же стремительно подхожу к миниатюрной тачке и через боковое окно заглядываю внутрь.

Ну естественно! На сиденье, вцепившись в руль, сжалась испуганная блондинка с растрепанной косой, змейкой спускающейся по белой хлопковой блузке почти до пояса. Костяшкой указательного пальца стучу по стеклу, нетерпеливо ожидая момента, когда оно медленно поползет вниз.

— Права давно купила? — спрашиваю грубовато.

Девчонка переводит на меня огромные серые глаза и закусывает ровными белыми зубами сочную нижнюю губу.

— Понятно, — вздыхаю раздраженно. — Сама как? Ударилась?

Блондинка явно в шоке. Хрупкое тело сотрясает мелкая дрожь, пальцы на руле побелели, и я даже не уверен, что она меня слышит, настолько отстраненным

выглядит ее миловидное лицо. Но вдруг она судорожно вдыхает, отчего высокая грудь, явно не обремененная бюстгальтером, призывно покачивается, и отрицательно мотает головой. Грудь, конечно, пластиковая, но выглядит зачетно. Интересно, какая она на ощупь?

Закрываю глаза и мысленно даю себе подзатыльник. В аварию угодил, на встречу к отцу опаздываю, а сам тарашусь на грудь незнакомки, которой на вид не дашь и шестнадцати. Одна надежда, что права у нее не липовые и она достигла совершеннолетия.

— Аварийку включи, — командуя я, вернув себе относительную ясность мысли.

Отхожу от окна, в котором, как в витрине, выставлены девичьи прелести, и внимательно изучаю повреждения автомобилей. Мой боевой конь вообще не пострадал — едва заметные царапины на бампере и скол на номере я даже не беру в расчет. У «Мини» небольшая вмятина на капоте, но тоже ничего критичного. Уже легче.

В этот момент девчонка наконец набирается смелости и выходит из машины. Тонкая, как тростинка, в короткой клетчатой юбке, из-под которой торчат острые коленки, и легкой блузке, расстегнутой на пуговицу ниже, чем принято в католических школах. Ни дать ни взять — ожившая фантазия Гумберта Гумберта.

— Страховка есть? — спрашиваю, прочистив горло.

— Да, КАСКО, — отвечает она звонко со странным выражением беззащитности в глазах.

— Полная?

Девчонка непонимающе хлопает ресницами.

— Полис покажи, — демонстративно вздыхаю и прячу руки в карманы джинсов — отчего-то они начали зудеть, и я подозреваю, виной всему едва прикрытые достоинства незнакомки.

Она послушно возвращается в машину, опирается коленями на сиденье и тянется к бардачку, отчего ее короткая юбка задирается и я отчетливо вижу под ней бледно-желтые трусы с узором в сердечки.

Несмотря на абсурдность ситуации, в джинсах у меня становится тесно. Бред какой-то. Надо Лику сегодня навестить — у меня, похоже, слишком давно не было секса.

Стискаю челюсти и приказываю себе не смотреть на округлые части тела девчонки, но стоит мне отвести глаза, как я понимаю, что сердечки на нижнем белье оценил не только я. Светофор снова горит красным, и в соседнем ряду, куда все перестраиваются из-за нашего с Лолитой ДТП, у одного престарелого мачо глаза на лоб вылезают, с таким аппетитом он рассматривает юные прелести.

Тем временем девчонка выбирается из машины и протягивает мне страховой полис. Пару секунд рассматриваю фирменную бумажку в тонкой руке, потом выхватываю ее из дрожащих пальцев и быстро пробегаюсь по ней глазами.

— Нормально все будет, не паникуй, — удовлетворенно произношу я. — Фотографии повреждений на телефон для страховой компании сделай. ДПС ждать не будем. Там пара царапин на двоих.

В выразительных серых глазах мелькает облегчение, а бледность незнакомки сменяется здоровым ру-

мянцем. Она торопливо достает мобильный и делает несколько фотографий, а я бросаю взгляд на часы.

Отец мне голову оторвет.

— Ладно, нечего тормозить движение, — бросаю насмешливо. — Внимательнее будь на дороге.

Она хмурит брови и, кажется, впервые собирается возмутиться.

— Внимательнее надо быть не только мне, — говорит она вдруг поучающим тоном школьной учительницы. — Вы едва на красный свет не вылетели. Учитывая движение на этом перекрестке, царапинами на бампере вы бы не отделались.

Я прищелкиваю языком. Она, конечно, права, но не этой малышке учить меня вождению.

— Может быть, я вам деньги должна? — выпаливает Лолита, когда я отворачиваюсь от нее и иду к своему внедорожнику.

Если честно, немного удивлен. Вряд ли хоть раз в жизни я оказывался в ситуации, когда девушка предлагала мне деньги, скорее наоборот. Нехотя оборачиваюсь и зависаю — малышка обхватила себя руками, отчего ее сочная грудь призывно выпятилась вперед и стала заметна соблазнительная ложбинка. Не видел бы бесхитростное выражение ее лица и растерянность в глазах, подумал бы, что нарочно так делает, рассчитывая на продолжение знакомства.

— Нет, Ло, деньги ты мне не должна, — говорю снисходительно, с трудом отводя глаза от выреза на ее блузке. — Садись в машину и поезжай. Дрожать только прекрати.

— Ло? — переспрашивает она в замешательстве.

Я криво усмехаюсь и запрыгиваю в салон. Лолита, конечно, хороша в своем смущении, и в другой ситуации я бы непременно узнал ее поближе, но у меня двадцать минут, чтобы отец меня не четвертовал.

* * *

Через двадцать шесть минут я подхожу к кабинету. Подмигнув молоденькой секретарше Леночке и услышав от нее: «Он вас ждет», — коротко стучу в дверь и немедленно захожу внутрь.

— В чем срочность, пап? — Теперь, когда я удобно устроился в кресле и откинул все еще гудящую голову на высокую спинку, я готов выслушать его претензии.

Критично осмотрев мои выдавшие лучшие времена джинсы и футболку с неприличной надписью, отец в типичной для себя манере складывает руки на столе и подается вперед всем телом, прожигая меня взглядом.

— Мне нужно, чтобы ты женился.

В первое мгновение я уверен, что ослышался. Вчера я, возможно, перебрал с виски, а полчаса назад попал в аварию. Ничего удивительного, что разум выкидывает такие фокусы. Немного успокоив себя, сглатываю слюну, но отец продолжает смотреть на меня с абсолютно серьезным выражением, в котором нет ни капли юмора.

— Женился? — переспрашиваю я.

Он кивает. То есть это точно не шутка.

— Я даже ни с кем не встречаюсь, — напоминаю я растерянно.

Лица не в счет. Она красивая, и у нас с ней отличный секс, не больше. С женой нужно разговаривать, а она глупа как пробка.

— Жену я тебе выбрал, — говорит отец.

Похмелье как рукой снимает, и я вдруг ощущаю странное дребезжание в желудке.

— Выбрал?

— Дочка Владислава Воронина, замминистра энергетики. — И, до того как я успеваю возразить, добавляет: — Этот брак откроет для нашей компании и для тебя в частности совершенно новые перспективы.

— Ты сейчас серьезно? — спрашиваю я, все еще надеясь, что это глупый розыгрыш с его стороны.

— Абсолютно. Остепенишься, успокоишься, станешь председателем совета директоров холдинга.

У меня даже рот открывается от нового потрясения. Повышения до председателя я добивался два года, с тех пор как вернулся из Штатов. Хотел инноваций, современного подхода к ведению бизнеса, но неизменно наткнулся на предрассудки кучки упертых старообрядцев, которые сидели на тепленьких местах и все-таки не воспринимали юнца, приехавшего из-за бугра. В конце концов я так устал биться с ними, что начал подумывать о смене дислокации и строительстве нефтяной карьеры вдали от России и семейной компании.

Мое красноречивое молчание, очевидно, полностью устраивает отца.

— Свадьбу устроим. Поживете пару лет, притреться. А если нет — через три-четыре годика разбежитесь. К тому времени все, что нам от этого брака нуж-

но, мы получим, — продолжает он деловито, словно обсуждает прогноз погоды на предстоящую неделю. — Девица хорошая. Красивая. Моделью работает, кажется. Понравится тебе.

Я кривлюсь. Некрасивых женщин в моем окружении просто не существует, потому что деньги способны творить чудеса. При возможностях дочки министра, вероятно, губы она начала колоть раньше, чем девственности лишилась. Хотя тут, конечно, вопрос.

— А она что, согласна? — спрашиваю отца.

Он пожимает плечами, словно это не имеет никакого значения.

— Отца она послушает. Да и девки от тебя в восторге. Поломается, может, для виду, а потом согласится.

— Давай еще раз, — говорю твердо. — Ты обещаешь мне место председателя совета директоров в благодарность за женитьбу на дочке министра?

Отец кивает. И, словно обсуждать дальше нечего, нажимает на кнопку телефона и просит Леночку принести два кофе.

Я тру виски и пытаюсь осмыслить предложение отца. Может быть, он и не рассматривает такой вариант, но я могу отказаться и свалить в Штаты. У меня есть там приятели и есть сбережения. Буду сутками вкалывать и лет через пять смогу чего-то достичь. Можно согласиться на его дикое предложение: поставить штамп в паспорт, спать с одной и той же девицей, то есть женой, но взамен получить возжеленное место председателя, заткнуть всех староверов и наконец в полной мере реализовать свои карьерные амбиции.

Мне двадцать шесть. Про женитьбу я, конечно, еще не думал, но рано или поздно мне пришлось бы пойти на этот шаг. Почему не сейчас? Отец предлагает отнестись к выбору невесты как к бизнес-проекту, и в этом есть разумное зерно. Среди жадных до денег девиц, которые вешаются на меня последние десять лет, я и не надеюсь найти любовь всей своей жизни. В конце концов, что такое любовь? Физическое влечение, помноженное на некоторый интерес к человеку. Стоит удовлетворить первое, как второе тоже перестанет играть сколько-нибудь значимую роль. А если дочка министра Воронина правда симпатичная, почему бы не жениться на ней? Все равно штамп в паспорте ни к чему меня не обяжет.

Прежде я всегда действовал в первую очередь так, как хотел сам. Но, возможно, настало время прислушаться к отцу, особенно если это сулит мне грандиозный карьерный взлет.

— Когда? — спрашиваю я.

Отец одобрительно цокает.

— Устроим вам в выходные знакомство.

— Новая должность когда будет? — поясняю нетерпеливо.

Теперь на его лице расцветает хищная улыбка.

— Ишь какой! Будет тебе должность. Отец сказал — отец сделает, — он хлопает ладонью по столу. — А теперь иди, пропись. От тебя перегаром за два метра несет.

Глава 1

— Сегодня не смогу побыть у тебя долго, мам, — говорю со вздохом, поправляя в вазе свежий букет из бледно-розовых пионов, купленный в цветочной лавке по пути в клинику. — Отец велел быть дома к обеду, а уже одиннадцатый час. Сказал, что придут важные гости и я должна выступить в роли хозяйки. Папа меня порой просто поражает: ну представь, какая из меня хозяйка?

Закончив с букетом, усаживаюсь на стул и подвигаю его к медицинской кровати, на которой умиротворенно спит мама. Девять месяцев назад она попала в страшную автомобильную аварию: врачи двое суток боролись за ее жизнь. Вопреки прогнозам мама не умерла, но ее организм среагировал на боль глубокой комой, из которой она до сих пор так и не вышла. Спустя месяц после аварии, когда стало понятно, что врачи оказываются бессильны, отец организовал перевоз мамы в современную частную клинику, которая специализируется на работе с тяжелыми пациентами в коме. С тех пор она находится здесь под непрерывным медицинским наблюдением и уходом.

Каждый раз, когда я прихожу сюда, мое сердце рывается от боли, но я рада, что мама здесь. Это место совсем не похоже на больницу. Здесь уютно и чисто. Интерьер крайне минималистичный, но современный. Есть все необходимое и для пациента, и для его посетителей. Даже телевизор есть, только мы его никогда не включали. Сейчас сквозь приоткрытые жалюзи в помещение льется солнечный свет, а свежий воздух из форточки нивелирует запах лекарств. Мне хочется думать, что маме здесь хорошо.

Никто не дает нам никаких прогнозов относительно ее возвращения к нормальной жизнедеятельности, особенно благоприятных. Но за эти тяжелые месяцы, полные отчаяния, надежды, обиды на судьбу, я сотни раз проштудировала весь интернет, чтобы убедиться — чудеса крайне редки, но они случаются, поэтому я не прекращаю верить, что рано или поздно мама к нам вернется. Папа тоже верит, я знаю, просто каждый из нас переживает случившееся по-своему. Он с головой ушел в работу и крайне редко использует свободное время, чтобы прийти в клинику, я же стараюсь делать это так часто, как позволяют мне плотное расписание в университете и работа. Отца я не виню, мама — любовь всей его жизни, и ему, конечно, сложно видеть некогда цветущую и жизнерадостную женщину в том печальном состоянии, в котором она оказалась. Но все же, если я буду честна перед собой, признаюсь, что было бы хорошо, если бы он навещал ее чуточку чаще.

Уважаемые специалисты, светила медицины, говорят, что больным в коме на пользу посещения близких, но и для меня они — своего рода терапия. За эти ме-

сяцы я привыкла рассказывать маме обо всем, что происходит в моей жизни, не утаивая даже личных деталей — так я чувствую, что наша с ней связь, несмотря ни на что, не слабеет, а только крепнет.

— Знаешь, мам, я недавно попала в ДТП, — говорю я, мягко сжимая ее холодные пальцы. — Ничего серьезного, не волнуйся, пара царапин на бампере, просто я очень сильно испугалась. В прошлый раз не стала говорить об этом, но потом решила, что будет несправедливо скрыть от тебя это происшествие. Машина передо мной резко затормозила на светофоре, а я не успела среагировать. Обычно я аккуратна на дороге, ты же знаешь, но тут сама не понимаю, что произошло.

Бережно опустив ладонь мамы на покрывало, я встаю со стула и начинаю расхаживать по палате из стороны в сторону.

— Видела бы ты парня, в которого я врезалась, — такой хам! Из тех, кто считает себя центром вселенной и постоянно раздает приказы, — продолжаю я свой рассказ. — Я была настолько шокирована аварией, что даже не сразу среагировала на его возмутительное поведение. А потом было поздно — он меня оставил посреди дороги и уехал. Представляешь?

Невольно воскрешаю в памяти образ незнакомца на огромном внедорожнике и ощущаю, как спина покрывается мурашками. Поразительно, столько дней прошло, а я все никак не могу перестать столь остро реагировать на воспоминания о нем! И ничего в нем на первый взгляд такого особенного нет — красивый, но я и раньше видела красивых мужчин, не зря же почти два года

работала моделью, харизматичный, но и этого в окружении отца, занимающего пост замминистра энергетики, предостаточно, наглый, но в английском лице, где я провела школьные годы, я встречала типов и похуже. И все же никогда еще ни один человек не воздействовал на меня таким образом, что я начинала вести себя как глупая курица. Даже Костя Фролов, а в него я, между прочим, безответно влюблена уже много лет. Сейчас наметилась тенденция, что Костя ответит мне взаимностью, но даже это не будоражит меня так, как тяжелый взгляд незнакомца, то и дело всплывающий из недр памяти.

— Просто хотела, чтобы ты знала, мам. Отцу я говорить не стала — он и так с трудом пережил мое желание сесть за руль, после того что случилось. А от тебя у меня секретов нет, — с тихим вздохом бросаю взгляд на медицинскую койку.

Если бы не приборы, контролирующие состояние мамы, и тонкие трубки с капельницами и зондами, можно было бы подумать, что она просто отдыхает. Если бы только...

— Здравствуйте, Влада Владиславовна, — в палату с дежурной улыбкой заходит медсестра.

— Здравствуйте, — в знак приветствия я киваю и тоже улыбаюсь.

— Я быстро, мешать вам не буду, — говорит она, с профессиональной сноровкой меняя пакет на стойке для капельниц. — Через час вернусь с медбратом для физиотерапии.

— Я к тому времени уже уйду, — отвечаю с сожалением, вспоминая про обед.

Пока медсестра хлопчет вокруг мамы, я подхожу к столику и беру в руки коробку с названием известной кондитерской.

— Это вам. Попьете чай.

Медсестра с благодарностью улыбается — за то время, которое мама находится здесь, персонал привык к подобным знакам внимания с моей стороны — и, прихватив коробку, удаляется. Я же вновь занимаю место на стуле возле койки.

— На чем мы остановились, помнишь? — спрашиваю у мамы, доставая из тумбочки книгу с пестрой закладкой. — Глава 17, мам. Сейчас начнется самое интересное.

Почти полчаса я вслух читаю популярный роман, который несколько месяцев висит в списке бестселлеров на всех книжных сайтах, а потом, пообещав вскоре вернуться, ухожу из клиники и тороплюсь домой. Кем бы ни были эти важные гости отца, надеюсь, они стоят того времени, которое украли у меня и мамы.

Глава 2

Домой я приезжаю за полчаса до назначенного времени. Поднявшись в свою комнату на втором этаже семейного особняка, торопливо раздеваюсь. У меня нет возможности принять ванну, поэтому я прячу волосы под резиновую шапочку и встаю под упругие струи горячего душа. Через пять минут надеваю свежее белье, тщательно расчесываю волосы, собирая их в аккуратный узел на затылке. Я редко использую декоративную косметику, но сегодня рисую аккуратные стрелки на веках и густо крашу ресницы. В уши — миниатюрные серьги с жемчугом. Тонкий браслет на запястье. Капелька любимых духов.

Накануне я перебрала весь гардероб в поисках подходящего наряда и остановилась на лаконичном брючном костюме, который мне подарил популярный дизайнер после съемок в рекламной кампании его бренда. Костюм несколько месяцев висел в шкафу и вот наконец дождался своего часа. Надеваю брюки и шелковый топ, на ноги — классические лодочки на шпильках. Глубокий вдох и медленный выдох перед зеркалом — я готова.

Спустившись вниз, нахожу отца в любимом кресле у незажженного камина.

— Здравствуй, папа, — приветствую его и наклоняюсь, чтобы запечатлеть поцелуй на щеке.

— Успела все-таки, — бурчит он укоризненно.

— Я же обещала, что буду вовремя, — говорю мягко. — Я заезжала к маме.

Отец поджимает губы и отводит глаза. Они у него темно-серые, цвета мокрого асфальта, совсем как мои — это единственное, что мне от него досталось, кроме разве что упрямства. Меня возмущает его реакция на слова о маме, отсутствие банального интереса к ее состоянию, но я не решаюсь сказать ему об этом. Очень хочется, как раньше, делиться с ним всем, что со мной происходит, но я всякий раз упускаю из виду, что его это больше не интересует. Порой мне даже кажется, что в тот страшный день девять месяцев назад я потеряла не одного родителя, а двоих.

— Расскажи мне, кого мы ждем в гости, — прошу я, не позволяя себе поддаваться меланхолии.

Отец заметно хмурится, а его крупные пальцы белеют от того, с какой силой он вонзает их в подлокотники кресла.

— Игорь Андреев с сыном, — говорит он отрывисто. — Крупные игроки в нефтяном бизнесе. Очень важно произвести на них впечатление.

Теперь уже моя очередь хмуриться. Не в стиле отца пытаться произвести на кого-либо впечатление. Сколько его помню — он отличался властным авторитарным характером и не принимал в расчет ничье мнение, кро-

ме своего. Должно быть, для него действительно важен этот обед и эти люди.

— Не волнуйся, папа, — говорю я, касаясь кончиками пальцев его плеча. — Пойду на кухню, проверю, как у Людмилы Борисовны дела.

Людмила Борисовна много лет помогает нам по хозяйству, а еще она великолепно готовит. Но, к моему изумлению, сегодня на кухне заправляет не она — там повар в белом колпаке, которого я никогда в жизни не видела, а наша домработница сиротливо стоит у стола, перебирая овощи.

— Влада, — в ответ на мой удивленный взгляд лицо домработницы расплывается в беспомощной улыбке. — С каждым днем хорошеешь, девочка.

— Что здесь происходит? — спрашиваю мягко.

— Отец твой повара выписал, — говорит она шепотом, когда я приближаюсь к ней и встаю рядом. — Он ничего по-русски не понимает. В кладовой у нас его подмастерье-переводчик копошится.

— И чего отец выдумал? — недоумеваю я, рассматривая отпечатанный на принтере листок с меню обеда. — Вы же великолепно готовите! Кто такие эти гости? Королевские особы?

— А я не знаю, — она печально вздыхает. — Отец ваш скрытный в последнее время стал. Вы бы чаще приезжали его проведать из своей Москвы. Тяжело ему.

— Без мамы всем тяжело, — отвечаю устало.

Людмила Борисовна поднимает добрые глаза и ласково касается моей руки.

— И тебе тоже, девочка.

— И мне, — я делаю неудачную попытку улыбнуться. — Но я вижу ее и разговариваю с ней. Мне легче.

Глаза женщины начинают подозрительно поблескивать, но в этот миг через приоткрытое окно до нас доносится посторонний шум.

— А вот и гости! — возбужденно шепчет Людмила Борисовна, замечая черный внедорожник, въезжающий через ворота. Проследив за ее взглядом, невольно ежусь — точно в такую же громадину я и врезалась.

— Ну, пойду к отцу, — говорю я. — На стол можете накрывать. Сначала закуски, через полчаса основное блюдо.

— Не волнуйся, — ободряюще улыбается домработница. — Все сделаем по высшему разряду.

Когда я возвращаюсь в гостиную, отец уже встал со своего кресла и теперь меряет комнату шагами.

— Пап, — зову его мягко.

Он резко оборачивается, словно мое появление его пугает, а я в очередной раз поражаюсь переменам, произошедшим в нем. Бледное лицо, тени под глазами, углубившиеся линии морщин.

— Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? — спрашиваю я, протягивая ему руку.

— Все хорошо, — он порывисто сжимает мою ладонь, даже не осознавая, что причиняет мне боль. — Пойдем встречать гостей.

Еще до того, как раздается звонок, отец распахивает входную дверь, пропуская в холл двоих — представительного мужчину примерно его возраста и молодого

НА МОИХ УСЛОВИЯХ

го человека. Вежливая улыбка застывает на моем лице. На долю секунды у меня возникает ощущение, словно кто-то специально выбил почву из-под ног, и на этот раз я сама цепляюсь за отца.

Разве такое возможно? Этот молодой человек — тот самый, в машину которого я врезалась без малого неделю назад!

Глава 3

— Игорь Юрьевич, приветствую! — преувеличенно бодро говорит отец.

Пока между старшим поколением происходит обмен рукопожатиями, я продолжаю в замешательстве смотреть на молодого человека, который, в свою очередь, удивленно разглядывает меня. Если бы не надменные зеленые глаза, которые не давали мне покоя с памятного понедельника, я подумала бы, что ошиблась. Потому что в представительном мужчине, стоящем передо мной в идеально скроенном деловом костюме и бледно-голубой рубашке, нет ничего общего с лохматым плейбоем в рваных джинсах. Я не сомневаюсь, что это один и тот же человек, но он другой. Имидж расчетливого дельца он носит с такой же легкостью, как образ своего парня. Впрочем, у меня есть ощущение, что ни один, ни другой в полной мере не отражают его натуру.

— Спасибо за приглашение, — сквозь гул в ушах до меня доносится незнакомый мужской бас. — Мой сын Максим.

— Добрый день, — произносит парень бархатным низким голосом, крепко пожимая руку отца.

— Моя дочь Владлена, — ощущаю на спине руку отца, который слегка подталкивает меня вперед.

— Влада, — поправляю на автомате. Наверное, с моей стороны это звучит не очень вежливо, но я настолько выбита из колеи, что с трудом соображаю. — Добро пожаловать.

Темная бровь молодого человека приподнимается, чувственные губы изгибаются в подобии улыбки. Краем глаза замечаю, как отец заговорщически переглядывается с Игорем Юрьевичем, но не придаю этому значения.

— Ну что ж мы в дверях стоим? — суетливо произносит папа. — Проходите.

Он провожает старшего Андреева в гостиную, пока я топчусь у входа в компании младшего.

— Значит, Владлена, — лениво тянет он, позволяя взгляду скользнуть по моему телу и чуть дольше, чем позволяют приличия, задержаться на груди.

— Значит, Максим, — огрызаюсь я, стараясь подавить охвативший меня трепет.

Он усмехается, обнажая ряд ровных белых зубов.

— Рад снова встретиться с тобой, Владлена.

Напускаю на себя как можно более безразличный вид и отхожу от Максима Андреева, благоразумно решая сохранять как физическую, так и эмоциональную дистанцию с этим человеком. По необъяснимой причине он нервирует меня, а я слишком взвинчена, чтобы вдаваться в природу этого чувства. Пока его не разгадаю — лучше нам находиться друг от друга подальше.

— Не ожидала вновь встретить вас, — говорю спокойно.

— Тебя, — поправляет он, следуя за мной.

— Прощения?

— Встретить тебя, — он делает ударение на местоимении. — Вряд ли обстановка располагает к столь формальному общению.

— Правда? Вы считаете, что она располагает к чему-то другому? — упрямо спрашиваю я.

Внезапно он берет меня за руку в районе локтя и слегка тянет на себя. От прикосновения крепких горячих пальцев по телу прокатывается волна необъяснимого тепла, а груди становится тесно под плотной тканью бюстгалтера. Подобная примитивная реакция застает меня врасплох — кажется, я сейчас сгорю от стыда, но неожиданно на помощь приходит отец:

— Молодежь, проходите к столу.

Слегка покачнувшись на высоких каблуках, я делаю неловкую попытку освободить руку. Почему-то в присутствии этого человека я с самого начала все делаю неловко, а он замечает и будто наслаждается моим смущением и нервозностью.

— Не покажешь, где я могу вымыть руки? — спрашивает Максим.

— Гостевая ванная прямо по коридору и налево, — отвечаю сухо.

— Влада, проводи гостя, — вмешивается папа.

Заставляю себя досчитать до пяти, чтобы не сказать, что Максим Андреев не маленький и справится сам, и натянуто улыбаюсь. Приходится напомнить себе, что этот обед крайне важен для отца. Ради него я, конечно, в состоянии потерпеть присутствие одного несносного человека.

— Мне кажется, ты немного взвинчена, — насмешливо говорит Максим, открывая краны в ванной.

— Я в порядке, — чеканю, стараясь сохранить самообладание. — Просто не ожидала, что на этом обеде мне уготована роль няньки.

— А ты в этом хороша?

Я закатываю глаза и демонстративно отворачиваюсь от наглеца, стараясь не обращать внимания на будоражащую мягкость его ответного хрипловатого смешка.

Этот обед — самое странное событие моей жизни. Отец говорил, что он связан с бизнесом, но за все время, пока мы сидим за столом, никто не делает даже попытки поговорить о делах. Зато мне уделяется повышенное внимание. *Влада умеет ездить верхом. Влада с четырех лет играет в теннис. Влада окончила школу с золотой медалью. Влада, Влада, Влада...*

Когда официант подает горячее, я готова сгореть со стыда. Чтобы немного успокоиться, делаю несколько глотков вина, есть не могу — гоняю аппетитные кусочки утки и спаржи по тарелке, не в состоянии донести до рта даже один из них. Господи, о чем только думает отец? Неужели такому серьезному бизнесмену, как Игорь Андреев, интересно, какая кличка была у моего пони?

Пока хозяин дома заливается соловьем, Андреев-старший в основном молчит, время от времени бросая на меня изучающие взгляды. Младший же ведет себя так, словно меня не существует. Должно быть, он считает моего отца сумасшедшим, и я не могу его за это винить. Сейчас мне тоже так кажется.

Делаю еще один торопливый глоток вина и впервые за полчаса ловлю на себе взгляд Максима. Подумает, что я алкоголичка. Впрочем, какая разница, что он подумает? Надеюсь, сегодня я вижу его в последний раз и наши пути никогда больше не пересекутся.

После обеда отец приглашает Игоря Андреева в кабинет, где хранятся его любимые кубинские сигары. Рассчитываю, что с ними уйдет Максим и тогда я смогу наконец расслабиться, но он продолжает сидеть на своем месте, неторопливо потягивая кофе.

— Какая у тебя насыщенная жизнь, Владлена, — лениво произносит он, когда мы остаемся наедине.

Так злюсь на папу за то, что поставил меня в такое идиотское положение.

— Прошу прощения за выступление отца, — отвечаю сдержанно.

— Отчего же? — он оценивающе изучает мое лицо. — Это было даже любопытно.

Под его взглядом я вновь чувствую себя до крайности неуверенно, а ведь он даже не прилагает для этого никаких усилий! Сейчас он весь — сплошное обаяние и любезность, но меня почему-то не покидает ощущение, что в этом есть скрытый для меня смысл.

— Не думаю, что такому, как вы, интересно... — я замолкаю, готовая откусить себе язык за эту неуместную фразу.

— И что же, по-твоему, интересно такому, как я? — не упускает он возможность еще сильнее смутить меня.

— Это не имеет значения, — говорю тихо, комкая салфетку. — Я не вправе судить вас.

Теперь он широко улыбается, откровенно наслаждаясь моей скованностью, а в выразительных зеленых глазах загораются насмешливые искорки.

— А ты судишь?

— Нет! Этот разговор не имеет смысла.

Андреев легко поднимается со стула и неожиданно подходит ко мне. Протягивает руку и, отбросив правила приличия, проводит кончиком указательного пальца по моей щеке. От этой вольности у меня перехватывает дыхание, а кровь стремительно приливает к щекам.

— Такая отзывчивая, — говорит он низким шепотом. — Это будет даже интересно.

Глава 4

— Что ты думаешь о Максиме Андрееве? — интересуется отец, когда гости наконец покидают наш дом.

— Почему я должна о нем что-то думать? — настороженно отвечаю я, отставляя в сторону чашку с недопитым кофе.

— Он привлекательный молодой человек. Мне показалось, вы нашли общий язык.

Знал бы ты, папа, насколько далек от истины, думаю про себя, но вслух произношу:

— Он наш гость. Разумеется, я должна была найти с ним общий язык. Это ведь важно для тебя.

Встаю со стула и, сократив расстояние между нами, обнимаю отца за плечи. Весь день он выглядел крайне напряженным и сосредоточенным, поэтому мне хочется поддержать его. Что бы там ни было, уверена, он справится — если подумать, я не знаю более сильного человека, чем папа.

— Такие парни, как он, нравятся девушкам, — продолжает отец, будто не замечая моего порыва. — Максим умный, образованный и очень хорош собой, а ты ни с кем не встречаешься.

Слова отца вызывают у меня недоумение — даже не вспомню, когда он в последний раз так живо интересовался моей личной жизнью. Да и нервное напряжение, в котором я нахожусь весь день, берет свое. Я устала и хочу вернуться в свою квартиру, чтобы спокойно провести остаток дня перед завтрашней съемкой, а не обсуждать сомнительные достоинства Максима Андреева.

— Пап, — говорю мягко, делая вид, что не расслышала завуалированного смысла его слов. — Я поеду домой, ладно?

— Андреев — выгодная партия, — не унимается он.

— Партия? — я хмурюсь, сбитая с толку его настойчивостью. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Отец поднимается с кресла, в котором сидел все это время, и подходит к окну. Теперь он стоит ко мне вполоборота, но я вижу, насколько бледным и осунувшимся он выглядит.

— У нас серьезные финансовые затруднения, Влада, — говорит он голосом, лишенным всяческих эмоций. — Брак с Максимом Андреевым их решит.

Что-то внутри меня болезненно сжимается, но я почти уверена, что просто неправильно все поняла.

— Пап, какой брак с Андреевым? — восклицаю я. — Я его едва знаю! И я Костю люблю, ты же знаешь. Да, мы пока не встречаемся, но...

— Ты, должно быть, шутишь! — одним взглядом отец заставляет меня замолчать. По мрачному выражению его лица понятно, что смеяться он не намерен. — Любовь, Владлена, — это сказка! В реальной жизни существуют только долг и ответственность.

— Но ты любил маму, — напоминаю я. — А я люблю Костю. Ты ведь знаешь, какой он хороший, и ты дружен с его родителями.

— Послушай меня, — отец даже не повышает голоса, но в нем появляются металлические нотки. Когда он так говорит, громкость не имеет значения. — Мы с твоей матерью из влиятельных семей с хорошим достатком. Это всегда было первоочередным. Нам просто повезло, что у нас возникли взаимные чувства. А у твоего Кости отец едва наскребает денег на отдых на Сейшелах для жены.

— При чем тут это?

— Чушь не пори! — велит он. — Андреевы решат все наши финансовые проблемы. И ты ни в чем нуждаться не будешь.

— Мне это не нужно, — говорю я, мотая головой. — Нам это не нужно. Скажи мне, сколько денег необходимо. У меня есть сбережения. И ты же знаешь, работа у меня тоже есть.

Отец подходит к столу и зажигает сигару, пуская в воздух клуб дыма.

— Очевидно, масштабы бедствия ты не улавливаешь, — мрачно констатирует он. — Если ты не выйдешь замуж за младшего Андреева, мы лишимся всего. Этот дом, дом на побережье, машины, даже твоя квартира — в залоге у банка.

Потрясенная его словами, я опускаюсь на диван. Я всегда считала себя миролюбивым человеком, но сейчас впервые хочу причинить боль другому существу. Хуже того, своему отцу.

— Но как все зашло так далеко? — бормочу я, пытаясь прийти в себя от шока. — У нас же все было, ты работал все время?..

Лицо отца напрягается. Он отводит глаза, и на мгновение мне кажется, что ему стыдно.

— Что ты сделал, папа? — требовательно спрашиваю я. — Я хочу знать.

— Несколько невыгодных вложений, — отмахивается он. — Бизнес — это всегда риск.

— Но ты на госслужбе! — восклицаю я.

— Ты в этом ничего не смыслишь, Влада! — отрезает он, явно не желая продолжать эту тему.

Я часто дышу, стараясь найти выход.

— Мне предлагали хороший контракт в Париже, — говорю я наконец. — Из-за мамы я отказалась, но, если это необходимо, я его подпишу. Мама под приглядом и...

Отец смотрит на меня почти со злостью. На его щеках вздуваются желваки. И хотя внешне он держится спокойно, яростный блеск в глазах выдает его истинные чувства.

— За содержание матери в клинике мы платить не можем. Не осталось ничего, понимаешь? — чеканит он. — Ты можешь уехать, но тогда она окажется на улице. И я тоже. У нас долги перед клиникой за три месяца. Ты хоть представляешь, какая это сумма? Я договорился с главврачом, но дольше ждать он не готов. Мои кредиторы ждать тоже не будут. Если правда о нашем финансовом положении станет известна, я, вероятно, лишусь места в министерстве.

Я закрываю глаза и прячу лицо в ладонях. Не верю. Отказываюсь верить в эту чудовищную правду. И тут вдруг вспоминаю о Максиме Андрееве — его образ возникает перед глазами, затмевая все остальное.

— Зачем это Андреевым? — спрашиваю бесцветным голосом. — Что им от этого брака? Вряд ли у Максима есть недостаток в поклонниках.

— У меня есть определенное влияние, — говорит отец с совершенно неуместной в этой ситуации гордостью. — Я помогу Игорю Андрееву повернуть несколько крупных сделок. В итоге в выигрыше окажемся мы оба.

— Если ты можешь обменять свое влияние на деньги, зачем впутывать меня? — спрашиваю я растерянно. — Пусть они заплатят твои долги, а ты помоги им.

Отец недоуменно вскидывает брови.

— Мне нужны гарантии.

О господи! Я бледнею. В одно мгновение я испытываю шок, отчаяние, гнев — просто отказываюсь верить в то, что сказал отец.

— Чья это была идея? — требовательно спрашиваю я. — С браком?

— Ты будешь в безопасности с Андреевыми, — отвечает он уклончиво. — И все наши договоренности будут в безопасности. Ваш союз объединит две семьи, две хорошо известные фамилии.

— Не моя безопасность тебя волнует! — кричу я, вскакивая на ноги. Я не представляю, как достучаться до отца, но не могу не попытаться: — И речь идет не о нас, а обо мне! Ведь не нас, а меня ты хочешь выдать

замуж за человека, которого я не люблю. Как ты мог допустить такое, пап, что тебе приходится продавать собственную дочь, чтобы расплатиться по счетам? И главное, что ты будешь делать, если я откажусь? Сейчас не Средние века, и я не обязана беспрекословно тебе подчиняться!

Похоже, я зашла слишком далеко — глаза отца гневно вспыхивают, губы сжимаются в тонкую линию. Я никогда не позволяла себе разговаривать ни с кем из родителей в таком тоне, даже в непростой подростковый период, но ведь и отец ни разу не делал ничего столь ужасного, поэтому я бесстрашно встречаю его взгляд и гордо вздергиваю подбородок. По его лицу бежит темная тень, и я почти хочу забрать свои слова обратно. Но разве я могу? Разве я должна? Он не думал обо мне, когда продавал меня Андрееву, почему я должна беречь его чувства?

— Мы с матерью дали тебе все — ты ни в чем не нуждалась, — от нервного напряжения его лицо становится серым. — Теперь это лишь вопрос к твоей совести — как ты захочешь нам отплатить. Выбор за тобой.

Хотя в груди все так сдавило, что, кажется, не вздохнуть, я слышу собственное резкое и порывистое дыхание. Не в силах смотреть на отца, я перевожу взгляд на окно. Солнце все так же ярко сияет в голубом небе, от дуновения ветра шелестят листья на деревьях, если прислушаться, можно различить пение птиц в саду. Мой мир перевернулся с ног на голову, но все остальное осталось неизменным.

— Выбор, папа? — спрашиваю я глухим голосом, который с трудом узнаю. — Разве ты мне его оставил?

Глава 5

Следующим утром я встаю поздно. Накануне полночи ворочаюсь без сна, обдумывая чудовищный разговор с отцом, и прихожу к выводу, что должна взять судьбу в свои руки: наверняка существует возможность для отмены вынужденного брака с чужим мне человеком, но так, чтобы не пострадала мама. Для этого необходимо встретиться с Максимом Андреевым наедине и поговорить. Он не из тех, кто производит впечатление семейного человека. Конечно, сложно представить, что кто-то может заставить его делать то, что он не хочет, но вполне вероятно, он сам оказался заложником ситуации и до конца не понимает, что условие со свадьбой легко отменить. Надо просто объяснить, что мое участие в этой сделке лишнее. И, может быть, мы даже вместе посмеемся над абсурдностью этой ситуации.

Прятаться от проблем — удел слабых, а я себя к таковым никогда не относила. Нужно действовать.

Приняв это решение и убедив себя, что все поправимо, я забываюсь беспокойным сном.

Утром машинально отключаю будильник и позволяю себе немного понежиться в постели. В универси-

тет мне сегодня не нужно, а запланированную съемку, к счастью, перенесли на конец недели. Но, едва я вновь закрываю глаза в надежде продлить сладкую дрему, память подсовывает тревожные воспоминания о вчерашнем обеде.

Это все не сон. Мой отец действительно обменял меня на свои долги, вынудив Максима Андреева взять меня в жены в качестве гарантий собственной неприкосновенности. Напоминает средневековый роман, а это всего лишь моя жизнь.

Папа, что же ты наделал?

Вскакиваю с постели и снимаю с зарядки телефон. Вчера я приняла решение — самое время воплощать его в жизнь. Для начала надо узнать все, что возможно, о семье Андреевых и выйти на связь с Максимом. Глупость такая, отцы нас практически поженили, а у меня даже нет его номера телефона!

Прикинув, что я ни за что не стану спрашивать контакты у папы, забиваю имя «суженого» в Google. В поиске по картинкам выпадает десяток фотографий со светских мероприятий — на нескольких из них он в компании девушек. Если ему вдруг понадобится жена, одна из этих красоток составит ему великолепную партию. Но не я. У меня совсем другие планы на жизнь.

Решительно закрываю вкладку с картинками и возвращаюсь к поиску. Из короткой биографии на сайте сплетен узнаю, что Максим хорошо играет в теннис, бегло говорит на четырех языках и долгое время жил и учился в Штатах. И зачем только вернулся?

Судя по всему, сейчас он занимает высокую должность в компании отца «Ойл Инвест». Сегодня по-

недельник. Интересно, есть шанс, что он появится в офисе?

Забив в поисковике название компании, попадаю на официальный сайт. В разделе контактов нахожу телефон головного офиса. После нескольких гудков мне отвечает автоответчик, предлагая набрать дополнительный внутренний номер сотрудника, но я остаюсь висеть на линии, рассчитывая на то, что трубку возьмет секретарша. Так и происходит.

— «Ойл Инвест», меня зовут Елена, чем я могу вам помочь?

— Здравствуйте, — говорю я, замечая, что рука, сжимающая трубку, слегка дрожит. — Могли бы вы соединить меня с Максимом Андреевым?

— По какому вы вопросу? — механическим голосом спрашивает секретарша. — Возможно, я смогу перенаправить ваш запрос другому специалисту.

— Мне не нужен другой, — категорично отмечаю я это предложение. — Я бы хотела поговорить именно с ним.

— Вы можете оставить ваши контакты, — секретарша ровным голосом выдает мне еще одну дежурную фразу. — Я передам ему, что вы звонили, когда закончится совещание.

— Спасибо, не нужно. До свидания, — говорю я, бросая трубку.

Значит, он в офисе, думаю я с бешено бьющимся сердцем. Это все, что я хотела узнать.

Через полтора часа я стою у входа в современное здание из бетона и стекла в центре Сити. Именно здесь,

судя по карте, расположена штаб-квартира конгломерата Андреевых.

Пройдя несколько уровней досмотра, на лифте поднимаюсь на нужный этаж и направляюсь к прозрачным дверям с крупным логотипом, который я уже видела ранее на сайте. Чем ближе моя цель, тем сложнее сохранять решимость. Хорошо было воображать разговор с Андреевым, сидя в уединении своей комнаты. Сейчас же мой замысел уже не кажется мне таким хорошим. Возможно, прятаться в моей ситуации было бы разумнее?

Чтобы успокоиться и привести пульс в норму, мне приходится сделать глубокий вдох. Не позволяя себе передумать, толкаю стеклянную дверь и замираю в нерешительности. Из-за полукруглого ресепшена на меня взирает секретарша с профессиональной улыбкой на безупречном лице, а я нервничаю, как школьница перед первым свиданием. Соберись, Воронина!

Цепляю на лицо ослепительную улыбку и уверенно прохожу внутрь.

— Добрый день, я могу вам чем-нибудь помочь? — спрашивает девушка.

— Да, я бы хотела увидеть Максима Андреева.

Улыбка секретарши вянет. На красивом лице отчетливо написано сомнение.

— Извините, он не принимает без предварительной записи, — говорит она без тени сожаления в голосе.

— Меня он примет, — бросаю самоуверенно.

Девушка демонстративно вздыхает, и в этом вздохе явно слышится неодобрение.

— По какому вы вопросу?

— По личному, — отрезаю я.

Глаза девушки начинают бегать по сторонам и останавливаются на охраннике за стеклом. Интересно, и часто поклонницы Андреева осаждают его офис? То, что меня причислили к одной из них, не вызывает у меня никакого сомнения.

— Может быть, вы проводите меня в его кабинет? — предлагаю я, не собираясь сдаваться. — Уверена, он захочет со мной встретиться.

Чем сильнее сопротивляется секретарша, тем большую уверенность ощущаю я. Обожаю вызов, а эта девица бросила его мне, как только я зашла в этот холл. Сейчас я точно знаю: я пришла сюда, чтобы увидеть Максима Андреева, и не уйду, пока не выполню задуманное. Слишком многое поставлено на карту. И этот миниатюрный цербер точно не в силах мне помешать.

— Извините, это невозможно, — говорит девушка встревоженно.

Как будто мне это так сильно нужно! Я бы с удовольствием ушла отсюда и не встречалась с боссом этой красавицы. Однако уходом я ничего не добьюсь. Здесь я не ради себя, а ради мамы.

Размышляю, что мне делать дальше, но внезапно взгляд секретарши фокусируется у меня за спиной. Ощущая необъяснимый холодок в области лопаток, резко оборачиваюсь и тут же сталкиваюсь с немигающим взглядом Андреева-младшего.

Здесь, в родных стенах, в изысканном деловом костюме и белоснежной сорочке он выглядит даже более впечатляюще, чем на обеде у нас дома. Собранный, эле-

гантный, непринужденный и очень привлекательный — неудивительно, что девчонка на входе готова вцепиться мне в горло, только бы не пустить к этому божеству.

— Максим Игоревич, я говорила, что вы не принимаете посетителей, — лепечет секретарша. — Вызвать охрану?

— Охрану? — Андреев усмехается, демонстрируя ряд ровных белых зубов. — Это вряд ли. Здравствуй, Владлена.

Я получаю искреннее удовольствие от того, как голубые глаза секретарши округляются, а губы обиженно поджимаются, но это длится недолго, потому что я вспоминаю о цели своего визита. Сжимаю руки так, что белеют костяшки, но сохраняю относительное спокойствие.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сообщаю сдержанно, больше не тратя время на застывшую у ресепшена девицу.

Андреев одаривает меня скучающим взглядом, потом кивает.

— Могу уделить тебе двадцать пять минут, — говорит он, бросая взгляд на дорогие наручные часы.

— Мне хватит пяти, — парирую я, воинственно приподнимая подбородок.

Глава 6

По офису мы с Андреевым передвигаемся в абсолютной тишине. Никаких любезностей и пустой болтовни — мы оба знаем, почему я пришла. От напряжения у меня стучит в висках, а искушение повернуться и уйти отсюда столь сильно, что на миг я даже замедляю шаг. Эта демонстрация слабости не остается незамеченной моим спутником — он бросает на меня внимательный взгляд, но предпочитает воздержаться от каких-либо комментариев.

— Мы пришли, — говорит Андреев чуть насмешливо, останавливаясь возле массивной двери в самом конце коридора.

«Максим Игоревич Андреев, директор по развитию» — успеваю прочесть на металлической табличке, прежде чем он толкает дверь и пропускает меня внутрь.

Рукав его пиджака случайно задевает мою руку — тело тут же откликается на этот мимолетный контакт нервной дрожью, вынуждая меня инстинктивно отступить. Да что же это со мной творится?

— Садись, — небрежным жестом Максим указывает на небольшой диван у стены. — Чай? Кофе?

— Нет, спасибо.

По возможности мне хочется свести пребывание в этом кабинете наедине с этим человеком к минимуму, поэтому я отказываюсь от напитков, рассчитывая сразу перейти к делу.

Он приподнимает бровь, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Я все же рекомендую тебе выпить кофе, — говорит он мягко. — Глядя на тебя, можно подумать, что ты не спала.

Все это время я отчаянно пытаюсь сохранить невозмутимость, но после его слов заливаюсь краской. О господи, почему только я примчалась сюда, не спрятав следы бессонной ночи? Макияж способен творить чудеса, мне ли не знать. Глупо было отказываться от легкой магии в борьбе, в которой мне нужна любая помощь.

— Присаживайся, — вновь говорит он.

— Я лучше постою.

Он равнодушно пожимает плечами. Сложив руки на груди, подходит к массивному столу и небрежно опирается на его край.

— Итак, о чем ты хотела поговорить?

Его голос звучит ровно и спокойно. В отличие от меня, он расслаблен и явно не нервничает. Господи, а если он все-таки не в курсе того, о чем договорились отцы?

— Я хотела поговорить о сделке между твоим отцом и моим.

— Продолжай, — просит он, когда я смущенно замолкаю.

— Я не уверена, что ты знаешь об условии, которое поставил отец, — говорю я, ощущая, как пылают щеки.

— Ты имеешь в виду брак?

Значит, он в курсе. Судорожно киваю.

— Я думаю, нам не стоит обращать внимания на это. Это же...

— Боюсь, это невозможно, — голос, бесцеремонно прерывающий мое бормотание, похож на бархат, но в глазах Андреева переливается сталь. — Это неотъемлемая часть сделки.

подавив приступ отчаяния, делаю еще одну попытку спасти ситуацию.

— Ты можешь сказать, что не хочешь жениться, — помимо моей воли в голосе звучат просительные ноты.

В ожидании его ответа мое сердце колотится как сумасшедшее.

— Я дал слово отцу.

Я кривлю лицо.

— Вряд ли это будет впервые, когда ты его нарушишь.

— Для той, кто меня совсем не знает, ты делаешь поразительные заключения, — его голос опасно тих, и мне с трудом удается подавить дрожь. — Если тебе не по душе идея замужества, ты можешь отказаться. Но тогда сделка не состоится.

От напряжения у меня стучит в висках. Больше всего мне хочется повернуться и уйти из этого кабинета, но перед глазами встает образ мамы, которая сейчас как никогда нуждается в моей помощи.

— Я не могу, — в моих словах звучат нотки отчаяния.

— Значит, деньги для тебя важнее собственной свободы? — спрашивает он, неверно толкуя мои слова.

В его тоне сквозит неприкрытый цинизм, и моя кожа на руках вдруг покрывается мурашками — может быть, от кондиционера, а может, от того, как холодно он на меня смотрит.

— Приходить сюда было ошибкой, — я встаю со стула.

— Напротив, я рад, что ты зашла.

Он берет со стола бумажку и что-то пишет на ней размашистым почерком. Потом подает мне.

— Время и место. Думаю, без пышной свадьбы мы обойдемся. Или ты хочешь белое платье и пятьсот гостей?

Я пробегаюсь глазами по листку, на котором стоит дата и адрес ЗАГСа.

— Через неделю? — задыхаюсь от возмущения.

Он пожимает плечами.

— Не вижу смысла откладывать. Мне нужно уехать на месяц или два.

— Ты женишься на мне и уедешь?

— А ты бы предпочла, чтобы я остался и согревал тебя холодными ночами? — тянет он насмешливо.

На минуту я представляю его рядом с собой в постели. Внутренности опалает горячее пламя, к щекам приливает кровь.

— Спать с тобой я никогда не буду, даже если на бумаге стану твоей женой, — отрезаю я.

— Ты понятия не имеешь, от чего отказываешься, — его откровенно забавляет этот разговор. — Рискну предположить, что скоро ты сама будешь просить меня заняться с тобой любовью.

— Ты мне абсолютно неинтересен! — от возмущения я задыхаюсь. — Этот брак — лишь жалкая пародия на отношения.

— Это бизнес, Влада, — говорит он жестко. — Относись к нему так, и сразу станет легче.

Я качаю головой. Он всерьез думает, что я могу? Этот чужой человек, который вскоре должен стать моим мужем, живет в совершенно другом мире — том, где правят деньги и власть. Я никогда не пойму его, так же как и он не поймет меня.

— Неужели у тебя такой недостаток в поклонницах, что тебе приходится жениться на девушке, которая тебя не хочет? — спрашиваю я, надеясь побольнее уколоть его.

Его ответная циничная усмешка приводит меня в бешенство.

— Могу тебя заверить, этого недостатка у меня нет. Но всему есть своя цена. Без твоего участия сделка не состоится — это цена. Ты можешь заплатить ее или нет.

Кровь ударяет мне в голову, и на мгновение мне кажется, что комната качается из стороны в сторону.

Мне хочется присесть, но я чувствую, что Андреев расценит это как проявление слабости, а я не желаю доставлять ему такого удовольствия.

— Так что, Влада? — он смотрит на меня тяжело и пытливо. — Брак со мной или кредиторы отца?

— Ты мне противен, — ледяным тоном отвечаю я, ощущая, как меня охватывает чувство полнейшей беспомощности.

Что-то первобытное мелькает в его глазах, но тут же исчезает. Он улыбается одним уголком губ, словно отдавая должное моей смелости. Или глупости.

— Не я придумал это условие, — напоминает он. — Но, взвесив все, я с ним согласился. Ты можешь сделать то же самое. Это не мелодрама, и ты не бесправная героиня — никто не заставляет тебя, Влада. Уж точно не я. Ты взрослый человек и, как мне кажется, в состоянии принимать решения. Что касается всего остального, повторяю, ты меня не знаешь.

— Того, что я знаю, достаточно, чтобы сделать выводы. Если ты думаешь, что я с радостью выйду за тебя замуж, — ты глубоко ошибаешься.

— Мне не нужна твоя радость. Достаточно твоего согласия и подчинения.

— Подчинения? — взрываюсь я. Его слова, то, как он их подбирает, молниеносно подогревают во мне злость и вызывают внутренний протест. — Я не собираюсь тебе подчиняться.

— Какое у тебя живое воображение, — он вновь смеется надо мной. — Не воспринимай эту фразу так буквально. Пойми, в отношениях есть два типа людей: те, кто управляет, и те, кто подчиняется, — в этом нет ничего нового, это старо как мир. Так вот, ты не управляешь, Влада.

— Но и подчиняться тебе я не буду! — возражаю я предательски севшим голосом, собирая крупички достоинства.

— Поживем — увидим, — говорит он задумчиво.

Глава 7

— На работе проблемы?

Отрываю глаза от нетронутого бокала виски в своей руке и встречаю любопытный взгляд Алекса Ди Анджело — моего единственного друга в московских светских джунглях. Много лет назад нас связали общая неприязнь к столичному пафосу, привычному в наших кругах, и амбициозность в достижении целей, а еще западный менталитет, которым оба пропитались благодаря длительному пребыванию за рубежом.

— На работе как раз прет, — вяло усмехнувшись, откидываюсь на спинку бархатного дивана. — Отец меня председателем назначает.

— О! — Алекс растягивает гласную в типично итальянской манере и салютует мне собственным бокалом с виски. — Ты столько зад рвал. Поздравляю.

Я киваю, но не чувствую никакой радости. Эту должность я получил не из-за своих способностей, а потому, что наступил себе на глотку. Женюсь, твою мать, на девчонке, которая меня ненавидит.

— Что-то ты не очень доволен, — проницательно замечает друг.